

ОТРАЖЕНИЕ УГОЛОВНОГО ПРАВА В ЛИТЕРАТУРЕ И ИСКУССТВЕ

Данил Аркадьевич Корецкий

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. Развитие технических возможностей СМИ по расширению зрительской аудитории в совокупности с ростом удельного веса остросюжетной литературы, кинофильмов и сериалов поставили вопрос о характере воздействия данного продукта культуры на общественное сознание. Что первично, а что вторично – борьба с преступностью в художественных произведениях или этот же процесс в реальной жизни? Несмотря на, казалось бы, очевидный ответ, единого мнения по этому вопросу нет. Предпринимаемые отдельными диссертантами попытки достичь определённости в приведённой дилемме дают интересные результаты, но такие исследования единичны. Поэтому актуальным представляется целенаправленное и обстоятельное изучение остросюжетных произведений и процесса их воздействия на общественное сознание.

Ключевые слова: детективный жанр, криминогенность детективной литературы, общественное сознание, остросюжетная литература, правоохранительные органы, превенции уголовно-правовых норм, преступность

Для цитирования: Корецкий Д. А. Отражение уголовного права в литературе и искусстве // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 2. С. 143–148. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-2-143-148>

Problems of Criminal law

Original article

REFLECTION OF CRIMINAL LAW IN LITERATURE AND ART

Danil A. Koretsky

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Abstract. The development of the technical capabilities of the media to expand the audience, combined with an increase in the share of action-packed literature, films and TV series, raised the question of the nature of the impact of this cultural product on public consciousness. What is primary and what is secondary – the fight against crime in fiction or the same process in real life? Despite the seemingly obvious answer, there is no consensus on this issue. The attempts made by individual dissertators to achieve certainty in the above dilemma give interesting results, but such studies are isolated. Therefore, a purposeful and thorough study of action-packed works and the process of their impact on public consciousness seems relevant.

Keywords: detective genre, criminogenicity of detective literature, public consciousness, action-packed literature, law enforcement agencies, prevention of criminal law norms, crime

For citation: Koretsky D. A. Reflection of criminal law in literature and art. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2023;(2):143–148. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-2-143-148>

Вопрос о воздействии литературы и кинематографа на общественное сознание становился предметом дискуссий ещё в советские времена. Причём, наибольшую остроту подобные споры приобретали при обсуждении произведений так называемого детективного жанра. «Так называемого» потому, что на самом деле детектив – это лишь одно из направлений остросюжетной литературы, которое имеет свои специфические признаки. А то понятие, в котором этот термин употребляется в последнее время, охватывает всю остросюжетную литературу, которая в свою очередь делится на ряд подвидов (полицейский, шпионский, приключенческий романы, триллер, боевик и т.д.).

В последние годы произведения этого жанра заполнили экраны и книжные страницы, наряду с историями про вампиров, колдуний, экстрасенсов, вещуний и т.п. Однако, причины этого процесса и корреляция его с преступностью практически не изучались, если не считать переизданную относительно недавно, но написанную в далёком 1908 году Энрико Ферри книгу «Преступные типы в искусстве и литературе» [1]. В 2005 году по схожей теме защищена диссертация на соискание учёной степени кандидата юридических наук [2], а в 2016 году в Уральском государственном юридическом университете состоялась представительная международная конференция на тему «Уголовные законоположения в изобразительном, ораторском искусстве, драматургии, классической литературе и кино».

Упомянутое диссертационное исследование не подтвердило версию о криминогенности детективных произведений. Выводы соискательницы оказались не такими мрачными, как можно было ожидать: по мнению респондентов в 89,2 % проанализированных остросюжетных произведений содержались вполне лояльные сведения об общей организации борьбы с преступностью, а 28 % опрошенных граждан и 19,4 % сотрудников правоохранительных органов посчитали, что содержание литературы подобного рода способно оказать общепредупредительное воздействие и даже может препятствовать совершению конкретных посягательств. Криминогенную роль остросюжетной литературы (как возбудителя криминальных мотивов и наставника по технологии преступных поступков) отметили только 16,8 % респондентов. Достаточно высоко оценена достоверность остросюжетных произведений: лишь 22 % сотрудников правоохранительных органов, 6 % граждан и 2 % осужденных к лишению свободы считают, что они не отражают реальные криминальные ситуации [2, с. 6].

Вместе с тем, взаимодействие художественных произведений детективного жанра и реальной преступности требует дальнейшего целенаправленного и глубокого исследования. Да и причины бурного роста числа книг и кинофильмов этой тематики требуют изучения. Иногда приходится слышать мнения о том, будто увеличение удельного веса произведений литературы и кинематографа, посвящённых борьбе с преступностью, является отражением реального её состояния в окружающей авторов жизни, начиная с «лихих девяностых». Такие суждения характерны не для профессионалов правоохранительной деятельности и судопроизводства, а для журналистов, многочисленных «экспертов», расплодившихся в последнее время, и иных лиц, отличающихся с одной стороны – некомпетентностью, а с другой – желанием «быть на виду» и слыть всесторонне развитым и разбирающимся во всех вопросах специалистом.

На самом деле, пик преступности приходился не на «лихие девяностые», а на начало «спокойных нулевых». Так, в 1990 г. в России совершено 1,8 млн преступлений, в 2000 – 2,9 млн, в 2006 – 3,8 млн, а с 2007 по 2018 гг. наблюдался последовательный спад – до 1,99 млн. Причём, это мировой тренд современного периода, развивающийся последние 10-15 лет и названный «великим снижением преступности»: в его рамках количество зарегистрированных преступлений снижается различными темпами, но во всем мире.

2019 год прервал продолжительную тенденцию снижения российской преступности, показав 2,0243 млн зарегистрированных преступлений, что на 1,6 % больше, чем за аналогичный период предыдущего года, но в дальнейшем тенденция снижения восстановилась и в 2022 году зарегистрировано на 1,9 % преступлений меньше, чем в 2021 году.

Таким образом, приведённое выше объяснение бурного роста остросюжетных художественных, и не очень, произведений не имеет объективных оснований; скорее всего в его основе расположены базисные экономические причины, вытесняющие в последнее время такие надстроечные факторы, как идеология, результаты воспитания «нового человека», ориентированного на позитивные стороны жизни, и т.д., господствующие во времена Советского союза. В те годы литература и кинофильмы проходили довольно строгий отбор, в том числе благодаря фильтрам государственной и ведомственной цензуры (её поклонником автор отнюдь не является), которая получила максимальное развитие в период работы много сделавшего для системы МВД министра Н. А. Щелокова. Созданный им пресс-центр министерства следил за тем, чтобы с экранов и книжных страниц исчез традиционно существующий в те годы образ милиционера, как незадачливого недотёпы, попадающего в нелепые ситуации и вызывающего смех (недаром подобных персонажей играли преимущественно комедийные актёры).

Тогда в художественных произведениях изображались только идеальные сотрудники правоохранительных органов, строго соблюдающие закон и даже болеющие душой за тех, кто совершил преступление. А противостояли им «нарисованные» исключительно чёрной краской преступники, которые не имели в своём характере ничего человеческого и в основном желали причинить вред окружающим. Подавались работниками культуры в текстах, на сцене и в фильмах и хорошие «в душе» преступники, но случайно «оступившиеся», а впоследствии перевоспитавшиеся под благотворным воздействием милицейских «наставников», причём из когорты крупных начальников – руководителей управлений внутренних дел областей и краёв, которые были более душевными и человеколюбивыми, нежели их чёрствые заместители и отдельные подчинённые.

Выглядело это, конечно, не особенно убедительно: в фильме «Ночной патруль» вор по кличке «Огонёк» запросто приходит в квартиру, ни много ни мало, комиссара (как тогда назывались генералы) милиции, вскрывает дверь и спокойно ждёт хозяина жилища в гостинной, чтобы посоветоваться о дальнейшем житье-бытьё. Вернувшийся после трудового дня комиссар этому не удивляется и охотно беседует по душам с незванным гостем.

Переводы же иностранной литературы и зарубежные фильмы, которые прошли решето цензуры перед выходом в отечественный прокат, не практиковали такого резкого деления людей на исключительно плохих либо хороших, поскольку иностранные деятели культуры исходили из тезиса, будто человек многоцветен, как радуга. И каждая сторона его характера проявляется в определённой ситуации, при выполнении им определённых социальных ролей по-разному, часто противоречиво. Несомненно, это правильно, но всё же отклонение от чёрно-белого стандарта вызывало большие сомнения у читателей и цензоров. Во всяком случае, когда на наши экраны вышла забавная кинокомедия «Фантомас», то она была встречена в штыки идеологами и сотрудниками правоохранительных органов, поскольку якобы воспевала преступный мир и способствовала совершению преступлений!

Это парадоксальное понимание искусства высказала как-то на большом совещании инспектор по делам несовершеннолетних: мол, подростки обворовали ларёк и оставили записку с подписью «Фантомас», что подтверждает растлевающее воздействие французской комедии. Правда, в дальнейшей дискуссии она согласилась, что кражи из ларьков совершались и раньше, но «фантомасовских» записок при этом не оставлялось. Так может, фильм обусловил не криминальное поведение, а только записку? Этот вопрос ставил практических работников в тупик.

Но надо признать, что воздействие художественных произведений на общественное сознание с тех пор существенно изменилось. Представить масштабы и значимость этого процесса поможет простой пример: знание миллионов людей о характерах, привычках и обычаях ковбоев Дикого Запада основано не на знании истинной жизни «коровьих пастухов», а на их образах, созданных актёрами Джоном Уэйном и Клинтом Иствудом. Представление о состоянии преступности и мерах борьбы с ней также зачастую основано на художественных произведениях. Может показаться невероятным, но в часто вспыхивающих в социальных сетях спорах по экономическим, политическим, историческим вопросам ссылки на кинофильмы выступают как вполне достоверные аргументы.

Это неудивительно: если раньше детективные фильмы и книги выходили крайне редко – до 5-10 единиц в год, то впоследствии они вытеснили иные жанры и стали обрушиваться на потребителей сплошным потоком с экранов телевизоров, мониторов компьютеров, в виде бумажных, электронных и аудиокниг... И в этом изобилии чёрные цвета уже существенно превалируют над белыми. Количество, несомненно, играет роль в формировании общественного мнения, но ведь резко изменилось и качество!

Автору пришлось не так давно участвовать в работе жюри конкурса на лучшие произведения детективного жанра и знакомиться с книгами, даже названия которых вызывают отторжение, например, «Красавиц мертвых кудри золотые». Речь в книге идёт о маньяке-убийце, о трупах и манипуляциях с ними, когда садисты гримируют своих жертв и устраивают так называемые инсталляции в общественных местах, размещая трупы на скамейках, вроде бы читающими газеты или наблюдающими за утками в озере. Подробные описания сопутствующих собственно завершённым преступлениям процессов напоминают акты вскрытия и, конечно же, не подходят для обычной аудитории – без отвращения их могут читать судебные медики или криминалисты, которые, кстати, вне работы не жаждут повторять те неприятные эмоции, которые они получают в ходе осмотра места происшествия или патолого-анатомических исследований.

Для лиц же с повышенной агрессивностью, жестокостью, патологическим интересом к внутреннему устройству живых существ, что побуждает пытаться, жестоко убивать и вскрывать животных, – эти описания вполне могут послужить триггером к повторению тех действий, которые совершает литературный маньяк. По словам известного психиатра А. О. Бухановского, изучавшего проблемы маниакального поведения, «не каждый подросток, убивающий кошек, станет маньяком-убийцей, но каждый маньяк-убийца в детстве убивал кошек...». Кстати, недавно вышел уже отечественный фильм, авторы которого сомнительную находку с инсталляциями из трупов перенесли на экран...

Конечно, художественные произведения могут и должны показывать победу добра над злом, на этом основан обязательный для литературы и кинематографа «хэппи энд». Если бы не счастливый конец, то произведения про борьбу с преступностью приобрели бы беспросветно мрачную окраску и способствовали созданию депрессивного настроения во всем обществе.

Но, тем не менее, когда люди смотрят остросюжетные фильмы и читают подобные книги, даже со счастливым концом, у них создается впечатление, будто преступность растёт. Особенно в таких условиях, когда практически в каждом сюжете демонстрируется захват заложников. Надо сказать, что на экране их кратно больше, чем в реальной жизни. Если обратиться к статистике, то в России в 2011 году имело место 5 захватов заложников, в 2016 – 11, в 2021 – 8. Между тем, только в одном сериале «Невский» их около десятка!

Если авторы не могут создать сценарий без повторения трёх-четырёх стереотипных ситуаций, кочующих из фильма в фильм, то это признак художественной беспомощности. Некомпетентность и незнание материала проявляются и в том, что эти штампы являются совершенно нереальными. Так, например, уже много лет в художественных произведениях преступник под угрозой причинения вреда заложнику заставляет сотрудников правоохраны сложить оружие. И самое удивительное, что сотрудники уголовного розыска и спецподразделений – ОМОНа, СОБРа и даже СМЕРШа военных времён – послушно выполняют требования кинематографического или литературного бандита. Но на самом деле таких случаев практически не бывает. Потому что, во-первых, положить оружие – это значит совершить должностное преступление. А, во-вторых, это с очевидной очевидностью не приведёт к положительному результату, а только окончательно ухудшит положение. И поэтому в реальной жизни, если преступник не идёт на переговоры и выдвигает подобные требования, его просто-напросто уничтожают [3, с. 5-53]. Но у широких масс, в особенности у молодых людей, создается представление, будто при выдвигании такого требования преступнику удастся скрыться и избежать ответственности.

Говоря об отражении уголовного права в художественном творчестве, следует отметить, что аналогичное положение наблюдается также при демонстрации и описании криминальных событий в криминологии, криминалистике, уголовном процессе, оперативно-розыскной деятельности, административном праве и административной деятельности органов внутренних дел... Но надо иметь в виду, что при столь массовом воздействии на общественное сознание очень важные идеи общей превенции (предупреждения преступлений не конкретным субъектом, уже совершившим посягательство и наказанным, а неопределённым кругом «нравственно неустойчивых» лиц) доводятся до широких масс населения опосредованно – через художественные произведения, аудитория потребителей которых многократно превышает контингент, ознакомившийся непосредственно с судебными приговорами. При этом легальная цель превенции претерпевает существенные изменения, которые зачастую её искажают до неузнаваемости.

Так, действие сериала «Белая ночь» разворачивается в послевоенные годы: осуждённый за измену Родине бывший фронтовой разведчик на время освобождается из лагеря для участия в поимке опасного бандита, с которым вместе воевал. Совершенно невероятная и неправдоподобная ситуация, особенно для тех лет. Бывшему разведчику обещают после выполнения задания полную реабилитацию, однако милицейские руководители знают, что на самом деле он будет возвращён «за проволоку» для отбытия оставшегося срока наказания. Тем не менее работающий с ним в паре оперативник выступает против Системы, выполняет обещание и, когда задание выполнено, даёт возможность временному соратнику уйти от ответственности. А через несколько лет они случайно встречаются в автобусе, едущем по тому же городу – оба благополучные и довольные жизнью, хотя в суровой реальности тех лет злоупотребление властью и побег имели бы совсем другой и, увы, далеко не благополучный исход для обоих.

В субсериале «Карпов», который стал продолжением нашумевшего «Глухаря», пьяный подполковник милиции расстреливает десяток ни в чём не повинных прохожих, но, в отличие от своего реального прототипа – пожизненно осуждённого майора Евсюкова, довольно скоро переводится из психиатрической больницы на амбулаторное лечение и, по старой памяти, используя сохранившиеся оперативные навыки, зарабатывает на жизнь поиском за вознаграждение опасных преступников. Эта ситуация совершенно невероятна; она, конечно, придаёт сюжету гораздо большую привлекательность, чем демонстрация пожизненного заключения Карпова или многолетнего его пребывания в психиатрической больнице специального типа, но перечёркивает идею адекватного воздаяния за совершённые преступления.

Иногда просчёты создателей фильмов обусловлены даже не погоней за остротой сюжета, а элементарным незнанием рабочего материала. Так, специалистам хорошо известна жестокая «сучья» война, в которой насмерть бились «настоящие воры» и предавшие воровской «закон» «суки» либо «автоматчики», нарушившие запрет брать оружие из рук властей и участвовавшие в сражениях на полях Отечественной войны [4, с. 65–123]. «Воры» и «автоматчики», «суки» – антагонисты, непримиримые враги. Но в сериале «Экспроприатор» демонстрируется послевоенный лагерь, в котором непонятно почему «автоматчики» вызывают «на разбор» главного героя из сообщества воров, предъявляя ему обвинение за членство в партизанском отряде. Несмотря на предание гласности состоявшейся встречи, приглашённый на неё субъект почему-то не позорит всю воровскую касту и остаётся в составе «честных воров». Если бы воры предъявили ему такое обвинение, это было бы вполне логично, но обвиняют его «автоматчики», которые извергнуты из воровского клана и бьются с ним не на жизнь, а на смерть!

Характерным для нынешних «детективных» произведений является внешне избыточная жестокость, ожидаемые результаты которой при этом многократно преуменьшаются писателями. Например, массированное избиение руками и ногами, удары бутылками и битами по голове и другие аналогичные действия должны отправить потерпевшего на кладбище или усадить в инвалидную коляску, но уже в следующем кадре герой с пластырем на лице активно продолжает восстанавливать справедливость. Искусственное преуменьшение причиняемого вреда является серьёзной проблемой, потому что жестокое избиение потерпевшего руками, ногами, подручными предметами и даже прыжками со стола на тело, распростёртое на полу, – это далеко не редкие случаи литературных фантазий. Наоборот, они достаточно распространены. И такие случаи очень часто квалифицируются не как убийство, а как причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее смерть по неосторожности. Хотя неискушенные в зигзагах судебной практики люди всегда задают вопрос: «Били, били, наконец убили, какая же здесь неосторожность?». А ведь и избыточное насилие, и его заниженная оценка – это калька, изъятая из художественных произведений! Конечно, было бы глупо возлагать на литературу и кинематограф ответственность за сложившуюся практику применения статей 105 и 111 части 4 Уголовного кодекса РФ, но задуматься о взаимосвязи этих явлений не мешает! Во всяком случае, автору известен факт, когда молодой человек носил нож на голени, а убийство совершил, захватив потерпевшего сзади и перерезав ему горло, – такие приёмы преступного поведения не характерны для отечественной криминальной практики, но постоянно встречаются в зарубежных фильмах. Можно с достаточной долей уверенности предположить, что обвиняемый перенял их с экрана.

Из одной крайности, когда изображались сугубо «белые» сотрудники правоохранительных органов и «чёрные», чуть ли не покрытые шерстью, с клыками и рогами преступники, кинематограф и литература качнулись в другую сторону. Сейчас они перемешали чёрные и белые цвета, причём до такой степени, которая даже превосходит ту, с которой приходится встречаться на самом деле. Известно, что криминальная направленность личности различна у конкретных преступников: субъект экономического деликта обладает одними чертами характера и стереотипом преступного поведения, «насильственный» преступник – другими. Когда же коррумпированный полицейский, в том числе из руководящего состава, в книге или фильме совершает убийства и прочие нехарактерные для него преступления, то это вызывает серьёзные сомнения в достоверности изображаемого. Вот в неплохом сериале «Невский», неоднократно повторяющемся на федеральном ТВ, происходят совершенно удивительные вещи: полицейских арестовывают по обвинению в тяжких преступлениях, но потом освобождают из-под стражи и... восстанавливают на службе. И они снова работают, в том числе на руководящих и генеральских должностях. Такие же сцены наблюдались в сериалах «Ментовские войны», «Глухарь» и других.

Обычным стало применение экранными героями явно незаконных способов и приёмов для раскрытия преступлений к виновникам их совершения. И речь не только об избииении задержанных и пытках подозреваемых. Всё чаще герои остросюжетных произведений избивают свидетеля, не желающего давать показания, охранника, не пускающего оперативного сотрудника в клуб или ресторан, простого гражданина, который быстро не ответил на заданный вопрос. Они, тем самым, проявляют себя как преступники. Хотя в разговорах между собой могут спохватиться и заговорить о том, что это, мол, законно, а это незаконно. Надо сказать, что в реальной практике слова о «законности» или «незаконности» практически не произносятся. В ходу другие слова – о служебных показателях, опасности фальсификаций и т.п.

В соответствии со сложившимся в последние годы трендом, автор в завершение своей статьи «должен» ратовать за цензуру или другие препятствия на пути плохого художественного произведения к читателю или зрителю. Но подобные предложения столь же глупы, сколь и бесполезны. Вместе с тем, изучение взаимодействия остросюжетных произведений и правоохранительной практики представляет значительный интерес, причём не только теоретический, но и практический. Проведение криминологических исследований по данной тематике может лечь в основу кандидатских и докторских диссертаций, обсуждение же результатов этих исследований – идеальная почва для проведения научно-теоретических конференций с сотрудниками правоохранительных органов и законодателями. Если, конечно, разработчики и реализаторы уголовной политики повернутся лицом к практике, которая отражается в зеркале литературы и искусства. Ведь, как говорится в известной пословице, на зеркало надо пенять в последнюю очередь...

Список источников

1. Ферри Э. Преступные типы в искусстве и литературе / Пер. с итал. М.: Либроком, 2015. 172 с.
2. Горохова Т. Н. Остросюжетная литература в системе мер предупреждения преступности: автореферат дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Рост. юрид. ин-т МВД РФ. Ростов н/Д, 2005. 25 с.
3. Корецкий Д. А. Остросюжетная литература как отражение российской криминальной жизни / Уголовные законоположения в изобразительном, ораторском искусстве, драматургии, классической литературе и кино. Екатеринбург: Уральский гос. юридический ун-т, 2016. С. 52–53.
4. Сидоров А. Великие битвы уголовного мира. «Блатные» против «сук». Книга вторая. Ростов н/Д, 1999. С. 65–123.

References

1. Ferry E. *Criminal types in art and literature*. Transl. from Italian. Moscow: Librocom; 2015. 172 p. (In Russ.)
2. Gorokhova T.N. *Action-packed literature in the system of crime prevention measures*: abstract of the dissertation of the Candidate of Legal Sciences: 12.00.08 / Height. jurid. in-t of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Rostov-on-Don; 2005. 25 p. (In Russ.)
3. Koretsky D.A. Action-packed literature as a reflection of Russian criminal life. In: *Criminal regulations in fine art, oratory, drama, classical literature and cinema*. Yekaterinburg; 2016: 52–53. (In Russ.)
4. Sidorov A. *The great battles of the criminal world. "Thieves" against "bitches"*. Book two. Rostov-on-Don; 1999:65–123. (In Russ.)

Информация об авторе

Д. А. Корецкий – Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, член Союза российских писателей, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Южного федерального университета.

Information about the author

D. A. Koretsky – Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, member of the Union of Russian Writers, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Faculty of Law of Southern Federal University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 30.05.2023; одобрена после рецензирования 11.06.2023; принята к публикации 12.06.2023.

The article was submitted 30.05.2023; approved after reviewing 11.06.2023; accepted for publication 12.06.2023.